

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Шибалко В.В., кандидат исторических наук, доцент

В конце XVIII в. произошли события, положившие начало новому этапу истории белорусского народа. После трех разделов Речи Посполитой земли Беларуси были присоединены к Российской империи. Царское правительство приступило к проведению на присоединенной территории объединительной с русскими регионами политики. Прежде всего, было проведено административно-территориальное обустройство белорусских земель по аналогии с российскими. Так, после первого раздела Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией (в соответствии с Петербургской конвенцией от 5 августа 1772 г.) в состав Российской империи вошли земли восточной части Беларуси – Мстиславское, Витебское, Инфлянское воеводства и часть Минского (до Днепра). Здесь были созданы Могилевская губерния, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская провинции. Полоцкая провинция включена в состав Псковской губернии. Создано Белорусское генерал-губернаторство, существовавшее до 1856 г. с центром в г. Могилеве, с 1796 г. – г. Витебске.

По второму разделу Речи Посполитой, произведенному по Петербургской конвенции от 23 января 1793 г., в состав Российской империи была включена центральная часть Беларуси. 3 апреля 1793 г. создана Минская губерния (существовала до 1921 г.). В 1794 г. образовано Литовское генерал-губернаторство (с 1830 г. называлось Виленским, с 1843 г. – Виленским, Гродненским и Ковенским), в состав которого входила большая часть Беларуси. Генерал-губернаторство существовало до 1912 г., сначала центром его был г. Гродно, затем – г. Вильно.

В соответствии с третьим разделом Речи Посполитой, произведенным согласно Петербургской конвенции от 24 октября 1795 г., в состав России вошла западная часть Беларуси.

25 ноября 1795 г. король Польши и Великий князь Великого княжества Литовского Станислав Август Понятовский отрекся от престола в пользу Российской императрицы Екатерины II. Речь Посполитая прекратила свое государственное существование.

В последующее время царское правительство неоднократно кроило и перекраивало территорию Беларуси. 25 октября 1795 г. созданы Слонимская и Виленская губернии (существовали до 1920 г.). 23 декабря 1796 г. создана Белорусская губерния (существовала до 1802 г.). 21 сентября 1801 г. учреждена Гродненская губерния (существовала до 1921 г.). В результате раздела Белорусской губернии 13 марта 1802 г. образованы Витебская и Могилевская губернии. 15 сентября 1823 г. создано Смоленское генерал-губернаторство (существовало до 1836 г.), а 8 апреля 1831 г. учреждено Минское генерал-губернаторство (действовало до 1834 г.). Наконец, в 1839 г. царем Николаем I введено общее для всех пяти губерний (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской, учрежденных еще Александром I в 1801 г.) название «Северо-Западный край Российской империи». [1, с. 138, 142, 145, 146, 148, 154, 156].

На присоединенной территории Беларуси действовали общероссийские административные органы и учреждения. Магдебургское право отменялось, а на города, которые его имели, распространились правила российского управления в соответствии с «жалованной грамотой городам» от 21 апреля 1785 г. В крае начали действовать наместнические, а после губернские управления, городские магистраты, российские судебные органы. По российскому образцу образованы две новые палаты: гражданского и уголовного судов.

С присоединением к России начался новый этап и в социально-экономическом развитии белорусских земель. Экономика Беларуси была втянута в общероссийскую хозяйственную систему и стала ее составной частью. Принимались меры, содействовавшие экономическому развитию региона: ликвидация внутренних таможенных пошлин, введение российских мер веса, денежной системы, снижение на первых порах налогового бремени и трудовых повинностей крестьян. Все эти и другие мероприятия положительно сказались на оживлении экономической жизни белорусского региона, явились мощным импульсом для развития товарно-денежных отношений, сельского хозяйства, роста городов, мануфактурного, фабрично-заводского производства, активизации торговли, и, в конечном счете, складывания внутреннего национального рынка, ломки феодальных и зарождения капиталистических отношений.

Ведущую отрасль экономики составляло сельское хозяйство. В нем было занято абсолютное большинство населения, где основной производительной силой являлось крестьянство. Крестьяне составляли в первое десятилетие после присоединения 93,5% населения Беларуси, 87% из них принадлежали помещикам, 7,5% – казне (государству), 3,5% – духовенству и незначительная часть относилась к свободным – всего 2% [2, с. 276]. Свыше 70% помещичьих крестьян отбывали барщину. В течение первой половины XIX в. ее объем возрос в 1,5 – 2 раза по сравнению с 1797 г., когда размер панщины ограничивался тремя днями в декаду [3, с. 268]. В 1850-х гг. наиболее распространенной формой барщины стала еженедельная работа на помещика в течение 4 – 6 дней с крестьянского хозяйства [4, с. 217]. Увеличились нормы толок, других работ, участилось проведение гвалтов. Сохранялись повинности по обслуживанию барских дворов, заготовке дров, уборке скотных дворов, ночной охране, подводная повинность, натуральный оброк и др. Многие помещики отдавали своих крестьян по контракту подрядчикам на строительные и дорожные работы, часто в другие губернии России. Плата за их работу доставалась обычно помещику. Крестьяне также несли различные повинности в пользу государства: платили подушный налог, земский сбор, осуществляли перевозку грузов, обеспечивали военный постой и др. Новой обязанностью для белорусов стала рекрутская повинность [4, с. 217].

Беларусь была одним из регионов России, где условия крепостничества оставались наиболее тяжелыми. В конце 50-х гг. XIX в. в пяти северо-западных губерниях 54% от общего количества населения были крепостными, в то время, как средний процент крепостных по 51 губернии европейской России составлял 37,5%.

Преобладающей формой феодальной ренты во второй половине XIX в. оставалась барщина. 94,1% помещичьих крестьян работали на хозяев, 2,7% платили оброк и 3,2% составляли дворовые [5, с. 49].

Основным видом хозяйственной деятельности сельского населения было земледелие. Выращивались рожь, овес, ячмень, картофель, лен, сахарная свекла. Все это обеспечивало рост товарности помещичьих хозяйств. В 30-40-е гг. XIX в. до 80% их доходов составляла продажа продукции сельскохозяйственного производства, главным образом, зерна, водки и спирта [4, с. 216].

В погоне за доходностью своих хозяйств помещики расширяли запашку новых площадей, в том числе и за счет крестьянских угодий. В результате площади помещичьих земель возрастали, а крестьянских уменьшались. Так, если в последней четверти XVIII в. фольварки занимали 7–15% общего количества земель, то в 1861 г. во владении помещиков находилось уже 73,4% сельскохозяйственных угодий [3, с. 267]. Многие помещики проводили мелиорацию неудобных земель, вводили четырехпольные севообороты, расширяли посевы технических культур, стали использовать молотилки и сеялки, открывать сахароваренные, винокуренные, смолокурные и другие промышленные предприятия, используя практически бесплатное сырье и дешевую рабочую силу крепостных крестьян. Этот рост товарности помещичьих хозяйств, как правило, достигался за счет усиления эксплуатации крепостных, что, в свою очередь, обусловило обнищание крестьянских семей. В поисках средств к существованию сельская беднота была вынуждена заниматься промыслами, извозом, отходничеством на разные работы: на строительство дорог, мостов, лесосплав, лесозаготовки, перегрузочные пункты, пристани. Только на судоходных реках Беларуси в 40 – 50-е годы XIX в. ежегодно работали 70–80 тыс. человек. На строительстве Днепровско-Бугского канала в 1843 г. было занято 122628 человек [6, с. 217]. Отходничество играло важную роль в изменении культурно-бытового уклада крестьянства. Разрушались вековые устои, замкнутость и изолированность села. Все это приводило к углублению кризиса феодально-крепостнических устоев и зарождению капиталистических отношений. В крестьянской среде происходила имущественно-социальная дифференциация. Формировались группы зажиточных хозяйств и бедноты (бобылей, кутников, халупников, огородников).

Помещичьи хозяйства все больше втягивались в товарно-денежные отношения с промышленным производством, центрами которого становились города и местечки. Городская промышленность в начале XIX в. находилась в стадии мелкотоварного ремесленного производства. К 40 – 50-м гг. XIX в. усилился процесс перерастания мелких ремесленных производств в предприятия мануфактурного типа, которые являлись промежуточным звеном между мелкими предприятиями и фабрично-заводским производством. Действовали вотчинные мануфактуры, основанные на принудительном

труде крепостных крестьян, и мануфактуры капиталистического типа с использованием вольнонаемных рабочих. В начале XIX в. в Беларуси насчитывалось 53 вотчинных мануфактур [7, с. 36]. Заметен рост мануфактур капиталистического типа, которых в первой четверти XIX в. было 726 с количеством рабочих 2215 чел., а во второй – 1603 (6134 рабочих). Всего же в Беларуси к началу 1860-х гг. действовали 4024 предприятия (мелкое ремесленное производство, мануфактуры, фабрики, заводы), на которых работали 17259 человек [8, с. 55, 57, 67, 97]. Накануне реформы 1861 г. на капиталистических предприятиях вырабатывалось 48% всей продукции [9, с. 234]. В 1860 г. товары капиталистических предприятий преобладали в сахарном (62%), пивоваренном (78%), лесобработывающем (73%), кожевенном (83%), металлообработывающем (56%), кафельно-гончарном (89%), кирпичном (95%) производствах [8, с. 210].

Развитие промышленности, повышение товарности сельского хозяйства в первой половине XIX в. обусловили рост городов и торговли. С конца XVIII в. по 60-е годы XIX в. население 42 белорусских городов возросло почти в 4 раза (с 92,5 тыс. в 1796 г. до 285 тыс. в 1858 г.), а удельный вес горожан в общей численности населения увеличился с 3,5% до 8,4% [10, с. 58]. Этот рост был обусловлен притоком сельского населения в города из-за кризиса феодальных отношений, переселения евреев, которым, согласно ряду указов царского правительства, было запрещено проживать в сельской местности. В итоге еврейское население значительно преобладало среди горожан. На рост численности горожан повлияло также значительное увеличение административного аппарата. С конца XVIII в. до начала 60-х гг. XIX в. количество чиновников увеличилось в 7 раз (с 1,9 до 13,5 тыс. чел.), а их удельный вес среди горожан – с 1,5 до 5,2%. За это время с 2,8 до 8,4% увеличился удельный вес военнослужащих, а их количество в 7,8 раза (с 2,8 до 21,8 тыс. чел.) [10, с. 59].

В 1861 г. $\frac{3}{4}$ населения городов составляли мещане, в основном ремесленники, торговцы и земледельцы, до 7% – дворяне, около 3% – гильдейские купцы [4, с. 223]. Значительная часть населения проживала в местечках (их по состоянию на 1856 г. было 520), которые являлись торгово-ремесленными центрами и играли значительную роль в развитии рыночных отношений между городом и селом, втягивая в товарно-денежные отношения сельских жителей [11, с. 201].

Расширение товарно-денежных отношений привело к развитию внутренней и внешней торговли. Основную роль во внутриторговом обороте играли ярмарки, торги, ежегодные рынки. Ярмарочная торговля существовала во всех белорусских городах и значительной части местечек. Крупнейшим ее центром во всем Северо-Западном крае России была ярмарка в Зельве Волковысского уезда Гродненской губернии. В Зельвенских ярмарках в 1857 – 1859 гг. приняли участие купцы из 20 губерний России, которые доставили товаров на сумму 2038865 рублей [12, с. 49].

Расширение рыночных связей порождало изменения в формах торговли. Все больше развивалась магазинная торговля. В 1833 г. в белорусских городах насчитывалось 2913 магазинов, до 1856 г. их количество выросло до 4555 [12, с. 52]. Самым крупным торговым центром стал Минск. Количество магазинов в нем увеличилось за 1800 – 1861 гг. с 124 до 594 [13, с. 203].

Наибольшее развитие получила внешняя торговля. Например, в белорусских уездах Гродненской губернии в 1829 г. внешняя торговля превышала внутреннюю на 54%. Импорт превышал экспорт на 76%. Также значительным был удельный вес внешней торговли на Витебщине и Могилевщине [9, с. 235]. Из Беларуси на внешние рынки вывозились мануфактурно-фабричные изделия, стеклянная посуда, бумага, мыло, пенька, спирт, водка и др. Ввозились пряжа, ткани, продовольственные товары, фабричное оборудование и др.

Развитие торгово-хозяйственных связей во многом зависело от состояния транспортных путей сообщений. В Беларуси имела широкая сеть водных путей, судоходных и сплавных рек, по которым интенсивно осуществлялись пассажирские и грузовые перевозки.

В 1840 – 1850 гг. были построены Московско-Варшавское шоссе, Петербургско-Киевская и Московско-Рижская дороги, которые пролегали через Беларусь. Увеличилось количество почтовых дорог до уездных центров, улучшалось состояние существующих водных артерий (Агинского и Березинского каналов). В 1840 г. завершилось строительство Днепровско-Бугского канала. Такое развитие путей сообщений разрывало замкнутость регионов и способствовало укреплению хозяйственных связей между ними.

В тесной связи с социально-экономическими процессами находился и демографический фактор. В результате разделов Речи По-

сполитой к России были присоединены белорусские земли с населением около 3-х млн. человек. При этом следует заметить, что различные источники дают разные цифры количества жителей присоединенной территории. Так, в 4-м томе шеститомной «Гісторыі Беларусі» приводятся следующие данные о количестве населения Беларуси: по состоянию на 1796 г. – 2 млн. 636 тыс. жителей, по итогам 6-й ревизии (1811 г.) в Беларуси проживало 2 млн. 981 тыс. человек [10, с. 58], а в книге «Беларусь на мяжы тысячагоддзяў» указывается на то же время 3 млн. 8 тыс. человек. Там же приводятся сведения, что в 1858 г. (10 ревизия) в Беларуси проживало 4,2 млн. человек [14, с. 242]. Примерное число (4 млн. 410,8 тыс. чел.) проживающих на территории пяти губерний Северо-Западного края России в конце 50-х гг. XIX в. приводит исследователь А. Тройницкий в своей работе «Крепостное население России по 10 народной переписи». Другая же цифра называется в упомянутой выше «Гісторыі Беларусі», где число жителей на то же время указывается в количестве 3 млн. 398 тыс. человек [10, с. 58]. Подобные данные приводятся другими авторами, в том числе и в учебниках по истории Беларуси. Такое расхождение цифр объясняется отсутствием точных исходных данных относительно количества населения конца XVIII в. Нельзя сказать, что в России вообще не велся учет населения. С 1719 по 1858 гг. было проведено 10 ревизий (переписей). Беларусь охватили шесть последних: с 5-й (1796 г.) по 10-ю (1858 г.). Однако ревизии учитывали не всех жителей, а только тех, кто подлежал налогообложению. Эти переписи носили фискальный характер и не могли быть достоверными, так как многие жители (особенно мещане) уклонялись от переписи, помещики скрывали точное число ревизских душ, имелись пропуски в именных списках из-за невнимательности или небрежности переписчиков.

Единым мнением всех исследователей является то, что демографические процессы носили волнообразный характер. Так, согласно данным 6-й ревизии (1811 г.) количество населения Беларуси возросло за период после 5-й ревизии (1796 г.) на 345 тыс. человек. Франко-русская война 1812 г. вызвала затяжной демографический кризис. К 1815 г. (7 ревизии) общее число жителей в сравнении с предвоенным годом уменьшилось на 72 тыс. человек. Всего с 1815 г. по 1833 г. (8 ревизия) население сократилось на 83 тыс. человек. (2,8%). После относительной стабилизации экономики в

1830-1840 гг. прослеживается и рост численности населения. С 1833 г. по 1851 г. (9 ревизия) оно увеличилось на 653 тыс. человек. (23,1%). 1850-е гг. характеризуются новой волной сокращения числа жителей Беларуси на 81 тыс. человек. В целом, за период с 5-й по 10-ю (1858 г.) ревизию население Беларуси увеличилось незначительно. Такая сложная демографическая ситуация объясняется низким натуральным приростом, вызванным затяжным экономическим кризисом, войной 1812 г., частыми неурожаями, голодом, эпидемическими болезнями, отсутствием надлежащей медицинской помощи, увеличением феодально-крепостнических повинностей крестьянства – основной демографической группы и, наконец, репрессиями против участников восстания 1830 – 1831 гг.

Социальная структура населения Беларуси носила социально-сословный характер. Российское феодальное общество делилось на четыре сословия: дворяне, духовенство, городские и сельские обыватели. Внутри каждого сословия были особые группы, которые отличались правовым и имущественным статусом.

В начале XIX в. социальная структура белорусского населения характеризовалась следующим образом: свыше 50% (около 2 млн. 530 тыс. человек) относилось к батракам и деревенской бедноте, 30% (более 1 млн. 514 тыс. человек) – к среднему крестьянству, около 20% (1 млн. 13 тыс. человек) – к помещикам, аграрной буржуазии, шляхте, дворянству, купечеству. Торгово-промышленное население делилось на владельцев промышленных предприятий, торговцев (около 20 тыс. человек.), рабочих и ремесленников (вместе с семьями 200 тыс. человек.). Около 80% белорусского населения составляли пролетариат, полупролетариат и беднейшая часть белорусской деревни, а почти 20% принадлежало к зажиточным слоям. Значительную прослойку в рядах имущих слоев населения занимала аграрная буржуазия (из 650 тыс. крестьянских дворов 71 тыс. были зажиточными, т.е. около 11% всех хозяйств). По экономическому положению к сельской буржуазии близко примыкали фольварковая и застенковая шляхта [15, с. 24].

Неоднородным по структуре было и сословие «городских обывателей». Количество мещан в конце XVIII в. составляло 78,9 тыс. человек – около 80% всех горожан. До 30-х гг. XIX в. оно почти удвоилось – 154,6 тыс. человек, до 82,2% возрос его удельный вес. В конце 50-х гг. XIX в. мещан в белорусских городах насчитывалось

196,8 тыс. чел., однако их доля снизилась до 75,2%, что было вызвано увеличением удельного веса других групп населения: ремесленников, мануфактурно-фабричных и заводских рабочих, промышленников, купцов, чиновничества и др. В ряде городов мещане составляли от 80 до 90% населения. [16, с. 61, 62].

Городские сословия дифференцировались по имущественному признаку. Например, деление купечества на гильдии происходило в соответствии с наличием капиталов. Согласно данным 9-й ревизии, в 1851 г. в пяти западных губерниях насчитывалось 6053 гильдейских купцов, из них 209 человек – первой, 189 человек – второй и 5655 человек – третьей гильдии. В 1861 г. количество купцов, которые объявили свой капитал, в крае увеличилось до 6988 человек [10, с. 63, 64].

Привилегированным сословием было дворянство. В последние годы существования Речи Посполитой удельный вес шляхты составлял около 10–12% всего населения. Так называемый «разбор шляхты» и перевод подтвердивших документально свое шляхетское происхождение в дворянское сословие привел к численному увеличению дворян с 137,5 тыс. человек в 1796 г. до 196,7 тыс. человек в 1816 г. Его внутренняя структура определялась значительной дифференциацией. В начале XIX в. только 5–6% крупных и средних дворян владели землей и крепостными, абсолютное большинство сословия (95%) представляло собой мелкую безземельную шляхту [17, с. 16, 17]. Часть дворян попало в ряды промышленников-предпринимателей, часть в состав офицерского корпуса, чиновничества, интеллигенции. Деклассированное дворянство пополняло ряды вольнонаемных работников, иногда крестьян, нанималось на службу к магнатам. Все это приводило к уменьшению его численности, к 1851 г. до 2,7% от числа всего населения [18, с. 32].

Другим привилегированным сословием было духовенство. В конце XVIII в. оно составляло примерно 1,0% населения. Большинство в его структуре составляло униатское духовенство (70%), второе по количеству место занимало католическое (около 15%), православное – 6%, иудеи – 7%, протестанты и др. – 2%. Таким образом, униатское и католическое духовенство находилось в большинстве – 85% [19, с. 20]. После отмены унии в 1839 г. большинство в структуре духовенства заняло православное. В 1858 г. оно составило 83,3%, католическое – 11%, иудеи – 5%, протестанты –

0,3% [10, с. 63]. Наряду с изменениями в составе духовенства происходили и изменения в этноконфессиональном определении населения. Если в конце XVIII в. на землях бывшего Великого княжества Литовского насчитывалось примерно 39% униатов, 38% православных, 4% староверов, 1,6% протестантов, то в 1858 – 1859 гг. 58,1% населения пяти западных губерний приняли православную веру, 29,9% – католическую, 9,8% – иудейскую, 0,4% – протестантскую. Каждая из перечисленных конфессий включала представителей разных этнических групп: белорусов, поляков, украинцев, латышей, русских, литовцев и др. Например, из 2 млн. 790 тыс. белорусов или 69,7% всего населения края 2 млн. 345,9 тыс. человек признавали православную веру и 444,1 тыс. человек – католическую [20, с. 146].

Национальная идентификация зачастую определялась конфессиональным аспектом, иногда территорией рождения или проживания человека. Так, в отношении Речи Посполитой употреблялось название «Польша», а жителей ее территории называли «поляками». Население Великого княжества Литовского считалось «литовским». «Литовцами» называли жителей «Литвы», к которой относили территорию Минщины, Виленщины и Гроденщины. В некоторых местностях названных территорий по религиозному критерию католиков и униатов называли «литвинами» или же «поляками», а православных и староверов – «русскими». Название «белорусь» было распространено на Витебщине, Могилевщине и Смоленщине. Существовали и региональные названия. Жители Полесья именовали себя «полешуками» или «полесьянами», существовали местные названия типа «пинчуки», «зарачане», «мозыряне» и т. д. В Слуцком уезде жители нескольких деревень называли себя «чернорусами». Крестьяне к национальному самоопределению большей частью относились безразлично, часто называя себя «тутэйшымі» или «мужиками», скептически относясь к попыткам определения их как русских или белорусов [10, с. 73, 74, 19, 32].

Еще в более запутанном состоянии находилось этническое самоопределение белорусской шляхты и интеллигенции. Как свидетельствуют исследования по этнографии и истории Беларуси, часть шляхты, большинство помещичьего дворянства, 92% которого были католиками, называли себя поляками, а православные – русскими, хотя они были белорусами по происхождению [19, с. 32]. Все это

являлось мощным сдерживающим фактором на пути национальной консолидации белорусского этноса, формирования национального самосознания. Такому положению дел в национальном самоопределении белорусского народа содействовала царская администрация.

В первые три десятилетия после инкорпорации белорусских земель правительство России терпимо относилось к польскому культурно-политическому влиянию на территории Беларуси. Однако уже в 1830-е гг., особенно после восстания 1830 – 1831 гг., национальная политика царской администрации в Беларуси резко изменилась. Был образован специальный комитет по делам западных губерний, главной целью которого было усиление русского влияния в них. Был закрыт Виленский университет, отменено действие Статута 1588 г., Полоцкий церковный собор в 1839 г. объявил «воссоединение» униатов с православной церковью. Стала распространяться так называемая теория «западнорусизма», согласно которой белорусы считались не самостоятельным этносом, а ответвлением русского народа. Этнографические особенности, отличающие белорусов от русских, объяснялись польским влиянием. Комитет проводил политику по русификации Беларуси (эта политика проводилась в области управления, суда, просвещения, культуры). В губернские и местные административные органы назначались русские чиновники. Государственное делопроизводство, преподавание в учебных заведениях велось только на русском языке. Консолидацию белорусов в нацию сдерживало и то обстоятельство, что они не имели своей государственности, своей национально-ориентированной буржуазии и рабочего класса. Тем не менее, с развитием капитализма шел постепенный процесс формирования белорусской нации. Ее становление формировалось на этнической и социальной основе, характерной для предшествующей феодальной эпохи. Процесс формирования белорусской нации был длительным, относительно медленным и противоречивым. Он занял период с конца XVIII в. и продолжался в XX в.

Социально-экономические процессы, протекавшие в белорусских губерниях в конце XVIII – первой половине XIX вв., свидетельствуют о разложении феодально-крепостнического строя и зарождении в его недрах новых буржуазных отношений. Крепостное право сдерживало переход Беларуси к индустриальному этапу развития и привело в 1840-е – 1850-е гг. к глубокому аграрно-промыш-

ленному кризису. Задачи как преодоления кризиса, так и дальнейшего социально-экономического развития белорусских земель более успешно решались во второй половине XIX в. после отмены в 1861 г. крепостного права.

Использованная литература

1. Иллюстрированная хронология истории Беларуси: с древности и до наших дней (Ред. кол. Г.П. Пашков и др., 2-е изд., доп. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2000 – 448 с.

2. Гісторыя сялянства Беларусі: у 3-х т.– Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Анішчанка Я.К., Галенчанка Г.Я., Голубеў В.Ф. [і інш]; пад рэд. В.І. Мясешкі [і інш]. – Мінск: Беларуская навука, 1997 – 431 с.

3. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. Ч 1. М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў [і інш.] – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.

4. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: Учеб. пособие для вузов / П.Г. Чигринов. – Минск: Выш. шк., 2000. – 461 с.

5. Тройницкий, А. Крепостное население России по 10-й народной переписи / А. Тройницкий. – СПб, 1861. – 168 с.

6. Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. Т. 4. / В.К. Бандарчык, В.М. Бялявіна, Г.І. Каспяровіч [і інш.]; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 433 с.

7. Гісторыя Беларусі ў табліцах і схемах. Са старытных часоў да сучаснасці / Уклад. Л.М. Нагорная, А.В. Цімашэй. – Мінск: ТАА «Юніпрэс», 1999. – 144 с.

8. Болбас, М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795 – 1861) / М.Ф. Болбас. – Минск: «Наука и техника», 1966. – 268 с.

9. Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветных цывілізацый). Вучэб. дапаможнік / В.І. Галубовіч, З.В. Шыбека, Д.М. Чарнасаў [і інш.]; пад рэд. В.І. Галубовіча і Ю.М. Бохана. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 584 с.

10. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 200–2005. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – Мінск.; Экаперспектыва, 2005. – 519 с.

11. Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. – СПб, 1858. – 300 с.

12. Карнейчык, Е.І. Беларуская нацыя / Е.І Карнейчык. – Мінск: «Навука і тэхніка», 1969. – 309 с.

13. Гісторыя Мінска / У.М. Жук, Г.К. Паплаўскі / пад рэд. чл.-кар. НАН У.А. Бабкова. – Мінск, Беларуская Энцыклапедыя, 2006. – 696 с.

14. Пірожнік, І.І. Насельніцтва Беларусі і дэмаграфічныя працэсы / І.І. Пірожнік // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2000. – 432 с.

15. Сташкевич, Н.С. Исторический путь Беларуси / Н.С. Сташкевич. – Минск: БГУ, 1993. – 35 с.

16. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М. Лютый. – Минск, 1996. – 286 с.

17. Тумилович, Г.Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. / Г.Н. Тумилович // Автореферат дис. канд. ист. наук. – Минск., 1995. – 30 с.

18. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие Белоруссии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (к проблеме генезиса капитализма) / А.М. Лютый // Автореферат дис, ... д-ра ист. наук. – Минск, 1990. – 37 с.

19. Марцуль, Г.С., Сташкевич, М.С. Гісторыя Беларусі. Насельніцтва, фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў, беларускае замежжа / Г.С. Марцуль, М.С. Сташкевіч. – Мінск, 1997. – 476 с.